

Услышав шаги в начале коридора, я подняла голову и встретила с этими явно удивленными глазами.

Любой, кто увидит, что кто-то сидит перед его гостиничным номером поздно ночью, найдет это немного странным, особенно если вспомнить, что ранее встретились на приеме.

— Я так поздно тебя беспокою... — я поднялась.

Он пристально посмотрел мне в глаза:

— Ты никогда меня не побеспокоишь.

Я горько улыбнулась. Мне было все равно, что он сказал.

Он повернулся и открыл дверь, затем повернулся боком, чтобы впустить меня.

— Долго ждала?

— Ничего.

Как только я коснулась мягкого дивана, меня охватила усталость. Он налил стакан чистой воды и протянул его мне.

— Сильно устала? — он сел рядом.

— Немного.

Я закрыла глаза, спустя долгое время я услышала его мягкий голос:

— Иди на кровать и поспи, здесь неудобно. Сейчас слишком поздно, не возвращайся сегодня в кампус. Я лягу на диване или пойду в другую комнату.

— Си Сичэнь, - я открыла глаза и посмотрела на него. Его нежные глаза смотрели с особой осторожностью.

— Сегодня Мэри... мой доктор, которая лечила меня, полагаю, ты тоже с ней знаком, она позвонила мне сегодня и сказала кое-что.

Я смотрела на его морщинку между нахмуренных бровей.

Я вздохнула:

— Разве не понятно, что я обязана тебе жизнью?

Он даже не пытается ходить вокруг да около и притворяться смущенным, в некоторых вещах мы похожи.

— Да. Тебе противно?

Я покачала головой.

— Нет, я пока не настолько расчетлива и высокомерна, — серьёзно сказала я ему. — Я очень благодарна тебе за все, что ты сделал: ты позволил ей помочь мне, мои ноги не искалечены, и я все еще могу пользоваться левой рукой. Честно говоря, это все ты сохранил для меня, и я очень благодарна, но, кроме благодарности...

— Не нужно быть столь категоричной, — внезапно прервал меня он, поднявшись, - не говори так.

Когда я встала, он все же отступил немного назад:

— Аньцзе, тебе не нужно меня благодарить. Я лишь надеюсь, что, увидев меня, ты больше не будешь отворачиваться, а примешь меня всерьёз.

Я на знала, как поступить. Я считала, что никому ничего не должна все эти годы. Но я и представить не могла, что он все это время заботился обо мне. Я постоянно говорила о ненависти, и все-таки пользовалась его добротой.

Я снова села и опустила лоб на ладони. Си Сичэнь встал передо мной на колени на ковре и спокойно посмотрел на меня:

— Аньцзе, ты ведь несчастлива не из-за меня? Что случилось?

— У Мэри лейкемия, последняя стадия, — когда я произносила эти слова, мои глаза покраснели. Хотя мы и редко виделись, но Мэри мне как семья. Она призналась мне, что заботилась обо мне потому один человек «попросил об одолжении». Она сказала мне «прости, детка».

— Скорее всего, она не доживет до Рождества.

Си Сичэнь обнял меня, мягко утешая:

— Езжай к ней... Если хочешь, я поеду с тобой.

— Она не просила меня приехать, — я сегодня так устала, что не хотела больше думать о том, что между нами, несмотря на то, что он крепко обнимал меня.

В конце концов, не выдержав переутомления и сонливости, я заснула. Проснулась внезапно в три часа ночи и обнаружила, что мирно сплю на кровати в спальне. Вокруг было тихо, никого рядом не было. Я встала, чтобы умыться, и, увидев себя в зеркале, почувствовал себя неважно.

Возможно, я потеряла бдительность рядом с ним, даже удивительно.

Я ушла рано утром и не видела Си Сичэня.

На самом деле некоторое время я вообще его не видела. В итоге я встретила с Мэри. Она сильно постарела, ее дети уже прибыли из Соединенных Штатов. Как только она увидела меня, стала рассказывать мне о своем любимом Шекспире:

— Сила любви — это целый мир. Она не зависит от разума, условностей и чести, она может подсластить любой страх, шок и боль в теле. Детка, тебе нужна эта сила. Тебе нужно быть счастливой, ты слишком несчастна. В тот день тот джентльмен пришел ко мне и умолял вылечить тебя, его глаза были полны паники и печали. Он сказал мне, что по какой-то причине не может позаботиться о тебе лично. Моё дорогое дитя, если он все еще так заботится и переживает за тебя, то тебе следует найти его. Не плачь по мне, я просто уеду туда, где есть цветы и птицы. Может быть, я даже смогу найти своего мужа, я не буду одинока.

Мэри легко относилась к смерти, может быть, потому, что она врач и часто видела смерть.

Прежде чем уехать, мы торжественно попрощались, так как знали, что, скорее всего, больше никогда не увидимся.

Возвращаясь на поезде, я смотрела в окно. Поздней весной солнце, казалось, стоит особенно высоко. Даже вечером, когда солнце садилось, окрашенные в красный цвет облака не могли затмить его сияние. В этот момент далекие горы становятся красными, вызывая у людей восхищение невероятной картиной. Но когда наступил закат, снова вернулось спокойствие.

Я вернулась в кампус, поскольку приближался выпуск. Я была все более занятой. Иногда я думаю о нем, что не удивительно, так как я и раньше о нем думала. Но тогда мысли о нем были угнетающими, как у человека, который тонет в воде. Сейчас же, вспоминая его, возникает смутное ощущение.

Однажды, суматошно сложив книги и тетради, я выходила из библиотеки и увидела стоящую возле колонны у главного входа фигуру, одетую в тонкий темный плащ и держащую черный зонт. Мое сердце, вопреки ожиданиям, дрогнуло.

Я не знаю, когда начался дождь, но сейчас был уже вечер и на улице стемнело. Он подошел ко мне, держа зонт:

— Какое-то время назад я возвращался в Китай, чтобы разобраться с делами. Я не говорил тебе, потому что не знал, хотелось бы тебе это услышать или нет, — объяснил он мягким голосом.

— Откуда ты узнал, что я здесь?

— Твоя подруга, после того интервью я сохранил ее номер телефона. Позвонил ей и спросил, где ты. Она сказала, что ты с утра до вечера, в основном, в библиотеке.

Я видела тот выпуск университетской газеты, что вышел два дня назад. Тина и правда была хороша. Интервью с парой «знаменитостей», он был на первой странице, но содержание было самым кратким, да и фотографий больше в тексте не было.

Затем мы двое просто молча шли, вспоминая наши прежние холодные перепалки, и это молчание смущало.

Но по сравнению с тем, что произошло дальше, эта неестественность была просто ничтожна.

— Анастасия, ты мне нравишься! Я люблю тебя! — французский студент, распахнув объятия и преграждая нам путь, стоял под дождем. Еще с прошлого года он преследует меня, хоть я и объяснила ему ясно, что отношения с парнем меня не интересуют. Он все равно время от времени делает такие вещи, что удивляют других людей. Несмотря на то, что свобода, независимость и отсутствие обязательств - отличительная черта французов, они никогда не думали, что это может доставлять людям неудобства.

— Анастасия, кто это?

— Никто, — сказала я по-французски, чтобы человек рядом со мной не понял, что я сказала. — Жан, я же просила, чтобы ты больше так не смущал меня.

— Но я люблю тебя.

— Нет, ты не любишь меня, ты просто не можешь смириться с тем, что я отказала тебе. Жан, идет дождь, тебе лучше вернуться.

— Ты не думаешь, что под дождем комфортнее? Давай вместе? — он говорил и тянулся ко мне, но Си Сичэнь преградил ему путь. Он был немного выше Жана.

— Ладно-ладно, — пожал он плечами, — Анастасия, увидимся в следующий раз и я расскажу

тебе, что люблю тебя.

Пробыв так долго во Франции, мне все равно сложно понимать ход мыслей французов.

— Никто?

Я замерла на месте:

— Ты понимаешь французский?

— Немного, — сказал он тихо, — Глядя на этого парня, который может вот так, без опасений, признаться тебе, я даже немного завидую.

Я сжала губы и ничего не ответила.

В это время дождь усилился, крупные капли дробью стучали по зонту. Когда на плечо попал дождь, я сжалась от холода и почувствовала, что его рука потянулась к моей талии. Я подсознательно отступила на шаг и полностью оказалась под дождем.

Его глаза потемнели, но он очень быстро протянул мне зонт, и его волосы быстро намокли:

— Тот парень говорил, что под дождем комфортнее. И это правда.

— Си Сичэнь.

Он протер лицо:

— Отдохни хорошенько, как вернешься в общежитие.

Я хотела подойти к нему, он покачал головой:

— Ты в конце концов замерзла, пока шла со мной. Я пробуду во Франции неделю. В том же отеле и в том же номере. Аныцзе, если вдруг захочешь увидеть меня... ты знаешь, где меня найти.

Я смотрела на его удаляющую спину. Он так высокомерен, но иногда так печален. Не знала, что обладаю умением легко расстраивать этого твердого, как скала, человека.

Когда я вернулась в общежитие, Лян Айвэнь, увидев меня, сказу спросила:

— Слышала, Жан снова доставлял тебе неприятности? Его друг написал об этом в Твиттере. И что, в конце концов, ему в тебе нравится? Ты смертельно скучна.

Я проигнорировала её и сразу легла в кровать.

Сначала я подумала, что, если я не пойду к нему, то и он какое-то время не будет меня искать. Но в итоге на утро следующего дня он мне позвонил.

— Аньцзе, есть время?

— Что такое? — мне сейчас нужно встретиться с научным руководителем.

Он колебался:

— Я сейчас в больнице, не могла бы ты приехать?

— Больница? — я немного удивилась, а в сердце промелькнул след беспокойства.

Затем я услышала, как он закашлялся:

— Если нет времени, забудь.

— Погоди-погоди, — я слышала, что он собирается повесить трубку, — какая больница?

Через полчаса я доехала до больницы на такси. Как только нашла его, увидела нездоровый серый цвет его лица:

— Ты... в чем дело?

Он кое-как улыбнулся:

— Прошлой ночью вернулся и слегка зачихорадил. Я подумал, будет лучше, если посплю. Но утром стало хуже... Я боялся, что это пневмония, поэтому поехал в больницу, чтобы провериться. Все хорошо, просто инфекция горла и температура.

В зарубежных странах не поощряют капельницы, только если собираются делать серьезную операцию, поэтому врач сделал лишь укол в руку и выписал кое-какие препараты.

Когда я принесла ему лекарства, он спал. Я села рядом на стул, его брови были слегка нахмурены, лицо уставшее. Я смотрела на него, в первый раз спокойно думая о нем и о себе.

Должна признать, что он в большей или меньшей степени связан со мной. На самом деле эти отношения продолжаются уже давно, но я никогда не желала о них думать.

Я посмотрела на шрам на его ладони. Он остался с прошлого раза в туннеле, а точнее, он сам его тогда оставил. Вспоминая тот жизненный опыт, все так же колотится сердце. Я невольно протянула руку к шраму... и почувствовала, как его пальцы медленно сжались. Он держал мою руку у себя в ладонях.

— Я думал, ты не захочешь прийти, — его глаза по-прежнему были закрыты.

— Не всегда так думаешь, — тихо усмехнулась я, — ты же обычно мог защитить себя? — во Франции он часто попадает в больницу. Может быть, ему не стоит тут оставаться.

— Да, но когда я думаю о вещах, которые подавляют меня, не хватает времени думать о физическом неудобстве.

В груди все сжалось.

— Ты всё же немного переживала? — он открыл глаза и посмотрел на меня.

— Си Сичэнь...

— Не ты ли думала, что я бесстыжий? Я лишь немного простудился, специально все спланировал, чтобы ты пришла.

Он относился к чувствам действительно как ребенок: осторожно и необычайно чутко, не в силах противиться искушению коснуться там, где нельзя, даже после того, как я ему отказываю. Осознанно отступает, а потом ждет, чтобы сделать шаг вперед.

И разве я веду себя лучше? Сейчас, когда я думаю об этом, мне кажется, что раньше я ненавидела его из-за гнева, который охватывал меня от собственной трусости перед моим отцом. За то, что мне некуда было выплеснуть обиду и гнев, я просто эгоистично изливала все на него.

— Да, я немного беспокоилась, — моё признание вызвало его изумление, и я вздохнула, — и ты все такой же бесстыжий.

Я знаю, что, кроме благодарности, было что-то еще.

Прошлой ночью я о многом думала. Вспомнила тетю, Пу Чжэна, Е Линя, Си Сичэня, мать, отца, Чэн Цзин, Линь Сяоди, Мо Цзячжен...

Я вспоминала всех людей, которые встречались на моем жизненном пути. Но я не знаю, почему лишь с Си Сичэнем всё так запутано. Возможно, таков план судьбы. Просто печально, что холод двоих мешает друг другу легко выражать свои эмоции, и даже просто ладить друг с другом было трудно, до недавнего времени... После пережитого обвала Си Сичэнь стал необычайно ласковым, будто что-то отпустил или на чем-то настоял. Просто из-за недостаточно развитого эмоционального интеллекта он не знает, как вести себя в отношениях.

Теперь я отчетливо вспомнила, как первый раз за границей упала в обморок. Когда кто-то поднял меня, это лицо под дождем было точно такое же, что и сейчас передо мной.

Я слышала, как он звал меня по имени, снова и снова, очень нежно и ласково.

Я боюсь жить в незнакомой обстановке, среди людей, которых я не знаю, этих иностранных однокурсников, которые считаются только с собственными желаниями. Их жизнь так эгоистична.

Когда я учила язык, моя первая соседка по комнате очень не помогла. Однажды она случайно проговорила, когда выпила:

— Анастасия, он сказал отвести тебя поужинать ввезде, познакомить здесь с каждой травинкой и с каждым деревом, пройтись с тобой по улицам, чтобы ты не заблудилась. Мой любимый человек должен быть таким же хорошим, тогда мне никогда больше не будет грустно.

Каждый год я получала подарки на день рождения, неподписанные, но это было то, в чем я нуждалась тогда сильнее всего.

В то время, когда я попал в больницу после автомобильной аварии, я была слабой и не могла спать почти каждый день. Я чувствовала, как кто-то держал меня за руку, очень тепло, очень осторожно. Я не знала, кто это был, но это необычайно успокаивало меня. Когда я просыпалась, в комнате уже никого не было, и в моем сердце появлялось ощущение потери.

— Аньцзе? — послышался слабый голос, полный нежности.

Я вдруг почувствовала некоторую беспомощность, и, немного расслабившись, сказала:

— Си Сичэнь, я пришла, потому что захотела прийти.

Думаю, он выглядел чрезвычайно счастливым.

Но мы оба понимаем, что отношения между нами так просто не уладятся. Между нами так много проблем, я лишь думаю, что мне следует относиться к нему лучше.

Мы с Си Сичэнем покинули больницу. Поскольку я все еще не встретила с научным руководителем, мы расстались у входа в больницу. Прежде чем уйти, он мягко сказал:

— Сможешь прийти завтра в отель встретиться со мной?

В конце концов, я кивнула.

<http://tl.rulate.ru/book/30369/1633491>